

В.Д. Дзидзоев

Валерий Дударович Дзидзоев

Владикавказский научный центр Российской академии наук, главный научный сотрудник комплексного научно-исследовательского отдела; Горский аграрный университет, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии; Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, профессор кафедры политологии, доктор исторических наук, Россия, Владикавказ, e-mail: dzidzoevv@mail.ru

Вклад в научное кавказоведение

(к 70-летию доктора исторических наук, профессора, президента Академии наук Чеченской Республики Шахрудина Айдиевича Гапурова)

Аннотация. В статье рассматривается становление и научное творчество одного из авторитетных и признанных ученых-кавказоведов, президента Академии наук Чеченской Республики, доктора исторических наук, профессора Ш.А. Гапурова. Анализируются также подходы ученого-кавказоведа к сложнейшим проблемам Кавказской войны, в частности, к так называемой «набеговой системе горцев». Приводятся конкретные примеры из различных научных дискуссий, в которых в центре внимания оказывается научная концепция известного ученого.

Ключевые слова: генерал Ермолов, депортация, автономия, Чечено-Ингушская АССР, Институт Востоковедения, Кавказская война, «набеговая система горцев».

Valeriy D. Dzidzoev

Vladikavkaz Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Complex Department; North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova, Professor of the Department of Sociology and Political Science Faculty of History; Gorsky State Agrarian University, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science Faculty of Law; Dr., e-mail: dzidzoevv@mail.ru

Contribution to scientific Caucasian studies

(to the 70th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor, President of the Academy of Sciences of the Chechen Republic Shakhruudin Aydievich Gapurov)

Abstract. The article examines the formation and scientific work of one of the authoritative and recognized scientists in the Caucasus, President of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Doctor of Historical Sciences, Professor Sh.A. Gapurov, who is a member of the editorial board of the journal «Vestnik of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Deputy Chairman of the Dissertation Council on Russian History at ChSU. The author also analyzes the approaches of a Caucasian scholar to the most complex problems of the Caucasian War, in particular, to the so-called «raid system of the mountaineers». Specific examples from various scientific discussions are given, in which the scientific concept of a famous scientist is at the center of attention.

Keywords: General Ermolov, deportation, autonomy, Chechen-Ingush ASSR, Institute of Oriental Studies, Caucasian war, Vinogradov, Bliev, «raiding system of highlanders».

Героя своего очерка знаю примерно 25 лет. Будучи профессиональными историками, мы часто встречались на различных научных конференциях, которые проходили не только во Владикавказе, но и в Махачкале, Нальчике, Ростове-на-Дону, Москве и других городах. Мне доставляло большое удовольствие слушать научные доклады Ш.А. Гапурова, который всегда старался придерживаться строгих правил научного этикета и проверенных научно-исследовательских принципов, в первую очередь объективности, правдивости, академизма и т. д. Не секрет,

что многие наши коллеги, иногда даже с высокими регалиями, как правило, «тянут одеяло на себя», доказывая фальсификационные версии отечественной истории. Это делается под благовидными предлогами, например, нового взгляда на историю, новаторства, оригинального подхода к спорным и малоисследованным историческим проблемам и т. д. Меня всегда привлекали аккуратные и тактичные суждения Шахрудина Айдиевича о спорных проблемах, например Кавказской войны, о взаимоотношениях Чечни с Российской империей на протяжении

нескольких веков, противоречивой роли генерала А.П. Ермолова в судьбе и истории народов Кавказа и т. д. Нетрудно было заметить, что чеченский историк в своих исследованиях в целом придерживается академических принципов отечественной исторической науки. Это не только радовало, но и создавало объективное впечатление, что Ш.А. Гапуров со временем вырастет в крупного и признанного ученого-кавказоведа. Так и случилось. В нынешнем году, когда герою моего очерка исполнилось 70 лет, об этом можно уже говорить, как о непреложном факте не только истории Чечни, но и всего Кавказа. Напомню, что Шахрудин Айдиевич не только доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета Чеченского государственного университета, но и президент Академии наук Чеченской Республики. Подчеркну и то, что АН Чеченской Республики является не общественной организацией, коих в постсоветский период стало до неприличия много в различных субъектах Российской Федерации, а региональной научной структурой. Такие научные структуры функционируют только в 4 республиках РФ: в Республиках Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия) и Чеченской Республике.

Шахрудин Айдиевич действительно вырос в крупного ученого, исследователя различных проблем истории народов Кавказа. Было бы странным, если бы он, этнический чеченец, любящий и искренне уважающий свой древний и многострадальный народ, не посвятив основную часть своего богатого научного творчества проблемам чеченского народа, его взаимоотношениям с Российской империей, месте чеченского народа в системе других народов Российской империи и Советского государства. По этим важнейшим темам Ш.А. Гапуров издал десятки монографий, учебно-методических пособий и сотни научных статей, значительная часть которых опубликована в авторитетных и признанных научных журналах Российской Федерации. Как ученый-кавказовед, могу подтвердить, что ни одна солидная научная работа по истории народов Кавказа сегодня не обходится без фундаментальных исследований Ш.А. Гапунова, таких, как «Чечня в период Кавказской войны (1818–1859)»; «История Чечни с древнейших времен до наших дней» (в 4 томах); «Бей-Булат Таймиев и его время» (в соавторстве с Р.А. Товсултановым) и др.

Но прежде чем говорить о несомненных успехах

Шахрудина Айдиевича, вижу необходимость хотя бы коротко высказаться о его становлении как ученого-кавказоведа, о пути, на протяжении которого, надо полагать, были не только радости и успехи, но и трудности, проблемы, может быть, и неудачи.

Как известно, чеченский народ вместе с некоторыми другими советскими народами (ингушами, балкарцами, карачаевцами, турками-месхетинцами и др.), в годы Великой Отечественной войны был депортирован в Среднюю Азию. Чеченцы и ингуши потеряли на своей исторической родине не только статус автономной республики – Чечено-Ингушской АССР, но и все политические права, как граждане СССР. Не вникая в подробности и детали трагедии других пострадавших народов (подробности изложены в решениях высшего политического руководства Российской Федерации и бывшего СССР, в которых признается незаконным и преступным выселение целых народов с их исторической родины в период Великой Отечественной войны), подчеркну, что о пребывании чеченцев в Средней Азии написано достаточно много научных работ, хотя и в них недостаточно, на мой взгляд, раскрыта трагедия народов-спецпереселенцев.

Говоря о Ш.А. Гапурове, необходимо отметить, что детские его годы прошли в городе Таш-Кумыр Киргизской ССР. Отец Шахрудина умер, когда будущему ученому-кавказоведу было 2 года. Таким образом, маленького Шахрудина воспитывала мать, которую звали Маълхиш. Легко себе представить тяжелое детство и труднейшие испытания, выпавшие на долю семьи Гапуновых, оставшихся к тому же без отца-кормильца.

В 1958 г. все спецпереселенцы (кроме турок-месхетинцев, крымских татар и др.) вернулись на свою историческую родину, и семья Гапуновых, к счастью для них, оказалась в чеченском селении Булгат-Ирзу Ножай-Юртовского района Чечено-Ингушской АССР. К этому времени была восстановлена и автономная республика чеченцев и ингушей. Радости Шахрудина Гапунова, как и других чеченцев, не было предела от того, что чеченский народ фактически был реабилитирован. Но вскоре его постигло огромное горе, так как мать Шахрудина умерла, когда ему исполнилось 15 лет.

Так устроена наша жизнь, что Всевышний очень часто нам оказывает незримую помощь именно там и оттуда, откуда мы ее не ждем. В этом плане повезло и герою моего очерка. В 1968 г. Шахрудин Гапуров окончил с золотой медалью среднюю школу,

но главная его удача заключалась не в медали, а в том, что на его жизненном пути уже в школьные годы повезло встретиться с добропорядочными и талантливыми педагогами. Среди них особое место занимает директор Бенойской средней школы Леид Межидов, который относился к своему ученику потечески, фактически опекая его и предохраняя от различных шалостей и недопустимых вольностей. Сам Шахрудин Айдиевич признается, что Леид Межидов не только относился к нему как к сыну, но и зажег в нем любовь к исторической науке. Ш.А. Гапуров может долго вспоминать многие встречи с любимым и уважаемым директором школы. Он подчеркивает, что ему всегда везло и в последующие периоды на добрых педагогов и наставников. С большим уважением он вспоминает уже другого педагога, многолетнего декана исторического факультета Чечено-Ингушского государственного педагогического института им. Л.Н. Толстого Асламбека Имрановича Хасбулатова, прекрасного специалиста по отечественной истории.

В 1972 г. Ш.А. Гапуров с отличием окончил институт, получив квалификацию историка, преподавателя истории и обществоведения. Молодого и перспективного историка направили в целевую аспирантуру Ростовского государственного университета по специальности «Всеобщая история». И здесь, в РГУ, Шахрудин Айдиевич снова повезло на наставников, среди которых был и заведующий кафедрой всеобщей истории, доктор исторических наук, профессор Иван Павлович Хлыстов. Он оказал большое влияние на становление молодого ученого, по поводу чьей кандидатской диссертации было немало удивленных и вопросительных взглядов. Как бы то ни было, но Шахрудин Айдиевич в 1978 г. блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Идейно-политическая борьба по аграрному вопросу в Индии в 1959–1969 гг.». Случилось это в Институте стран Азии и Африки при МГУ. После чего о Ш.А. Гапурове можно было уверенно говорить, что он единственный ученый-специалист по Индии не только в Чеченской Республике, но и на всем Северном Кавказе.

В 1974 г. он поехал в Институт стран Азии и Африки при МГУ. Здесь познакомился с авторитетными и известными специалистами. Со многими из них до сих пор поддерживает тесные связи. А с заведующим кафедрой истории стран Южной Азии доктором исторических наук, профессором Владимиром Ивановичем Павловым у него сложились добрые отношения, несмотря на большую разницу в возрасте. Владимир Иванович относился к нему по-свойски, по-братски, он был, кстати сказать, уроженцем Шелковского района ЧИАССР. А Шахрудин Айдиевич, при его природной добропорядочности и скромности, отвечал ему так же по-братски. Добрым словом Шахрудин Айдиевич вспоминает и заведующего отделом Индии и Пакистана в Институте востоковедения АН СССР Григория Григорьевича Котовского, ценные и дельные советы которого, касающиеся на-

учно-исследовательской работы, он до сих пор хорошо помнит.

В Москве у Ш.А. Гапурова была хорошая перспектива устроиться на работу и там делать научную карьеру, по примеру многих других выходцев из провинции. Однако наш герой не соблазнился прелестями столицы государства и вернулся на свою малую родину, где начал работать в местном университете преподавателем истории, заслужив за короткий промежуток времени большой авторитет и уважение среди коллег и студентов. Работал он с большим воодушевлением, прекрасно понимая, что создает труды, в которых ему необходимо восполнить ту самую историческую правду, о которой мечтали многие чеченцы на протяжении XX – нач. XXI вв.

Необходимо отметить, что в советской историографии по различным объективным и субъективным причинам «осели» существенные ошибки, перекосы, поверхностные суждения в отношении всех народов СССР. Об этом в подробностях можно даже не говорить, так как указанные перекосы хорошо известны не только специалистам отечественной истории, но и широкой общественности, увлекающейся нашей общей историей. Что касается депортированных народов, в том числе чеченцев, то в их истории образовались большие искусственно созданные пробелы, опять-таки из-за идеологических установок, партийно-советских принципов научно-исследовательской работы. Именно поэтому в истории Чечни «за бортом научных исследований» оказалось немало достойных имен, исторических фактов и заслуживающих внимания широкой читательской аудитории событий.

Ш.А. Гапуров, как трудолюбивый и упорный исследователь и патриот своего народа, что ему никогда не мешало быть одновременно и патриотом огромной России, активно взялся за научно-исследовательскую работу по проблемам малоизученных и спорных тем. Результатом такой активности стали научные статьи и монографии, которые выходили в свет одна за другой в авторитетных научных изданиях, начиная от Грозного и заканчивая Москвой. Такая активность в научно-исследовательской работе завершилась написанием докторской диссертации в 2004 г. на тему «Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в. (Дагестан, Кабарда, Чечня)», которая была защищена в диссертационном совете Московского педагогического государственного университета. Не анализируя детально эту работу, коротко отмечу, что диссертанту удалось внести существенные коррективы в историю Кавказской войны. В частности, Ш.А. Гапуров внес определенные правки, дополнения и существенные уточнения в деятельность генерала А.П. Ермолова периода, когда тот был главнокомандующим на Кавказе. Чеченскому историку-исследователю удалось объективно и максимально точно осветить время пребывания А.П. Ермолова на высокой государ-

ственной должности. Анализируя на основе уникальных архивных документов деятельность проконсула Кавказа, Шахрудин Айдиевич показывает талантливого генерала, одного из героев Отечественной войны 1812 г., как человека, который не всегда считался с интересами некоторых народов Кавказа, в частности чеченцев, ингушей, адыгов, и таким образом прославленный генерал сам провоцировал военные конфликты с горскими народами. В этой версии деятельности генерала А.П. Ермолова, меня, как историка-кавказоведа, привлекает, что выводы, сделанные моим чеченским другом и единомышленником, основаны, как и полагается, на архивных документах и проверенных исторических данных. В докторской диссертации Ш.А. Гапурову, в отличие от многих других аналогичных работ, удалось максимально объективно и убедительно осветить взаимоотношения разных народов Кавказа на принципах добрососедских отношений и мирного сожительства. В этой связи замечу, что некоторые ученые в диссертациях, монографиях и научных статьях историю Кавказа преподносят односторонне, в основном делают акцент на истории военных конфликтов, взаимных грабежей, упуская из виду мирные добрососедские отношения. Это в первую очередь касается наших коллег, занимающихся историей Кавказской войны и вхождением народов Кавказа в состав Российской империи. В отличие от них, Шахрудин Айдиевич, как профессионал высокого уровня, показал и те страшные страницы, которые были во времена военных конфликтов, и взаимные грабежи, но не забыл и о мирных добрососедских отношениях. Таким образом, ему действительно удалось показать высокий уровень и широкий охват разных проблем научного анализа сложных, болезненных, а часто и противоречивых общественно-политических процессов, военных действий царских войск на Кавказе в период Кавказской войны.

Как было отмечено выше, Шахрудин Айдиевич после защиты докторской диссертации создал интересные научные работы не только о генерале Ермолове, но и о работе и государственной деятельности одного из лидеров чеченского народа первой половины XIX в. Бей-Булата Таймиева. Много внимания он уделил восстановлению имени Шейха Мансура, которого в советской историографии некоторые историки представляли как «мусульманского фанатика», ставленника Османской империи, врага русского народа и т. д. Есть немало и других имен в истории чеченского народа, восстановлению которых он посвятил много времени и профессиональных усилий. Однако формат журнальной статьи не позволяет полностью раскрыть огромный потенциал научных исследований профессора Ш.А. Гапурова. Тем не менее считаю необходимым остановиться немного подробнее на одной из тем его научной деятельности, которая содержит аргументированное и убедительное разоблачение так называемой «набеговой системы горцев» в период Кавказской войны.

Читателям напомним, что основателями «набе-

говой системы горцев» в советской историографии считаются доктора исторических наук, профессора В.Б. Виноградов из ЧИГУ и М.М. Блиев из СОГУ. Подчеркну и то, что Шахрудин Айдиевич убедительно, на конкретных исторических фактах, в том числе и архивных документах, показал заказной характер «набеговой системы горцев» как главной причины Кавказской войны. Конечно, чеченский историк прекрасно понимает не только главную причину затяжной Кавказской войны, но и многие другие проблемы, связанные с ней. Он даже признает, что часть чеченцев была вовлечена в «набеговую систему», так же, как и другие народы Северного Кавказа. Еще неизвестно, какой народ из многонационального и многоконфессионального региона и в каком объеме поставлял «бойцов» в эти самые набеги. Например, в Осетии набегами в тот период, т. е. в первой половине XIX в., занимались осетины, устраивая их друг против друга, по ущельевой принадлежности. Так, набеговые отряды, например, Алагирского ущелья занимались грабежами и разбоями в Куртатинском или Дигорском ущельях. А бывало и наоборот, когда набеги уже совершались в Алагирском ущелье горцами из Дигорского или Куртатинского ущелий. Современным историкам-кавказоведам известно, что в ней, т. е. в «набеговой системе», в той или иной степени участвовали практически все народы Кавказа, а также русские, включая казаков. Сказанное относится к реальным историческим фактам, и от этого трудно уйти. К большому сожалению, В.Б. Виноградов и М.М. Блиев, признавая вскользь наличие «набеговой системы» у других народов, в основном акцент делали на чеченцах. Подчеркну и то, что о «набеговой системе горцев» писали не только В.Б. Виноградов и М.М. Блиев, но и некоторые историки XIX в., например В.А. Потто, А.И. Зиссерман, Ф.А. Щербина и др. В период Кавказской войны народы Северного Кавказа делились на «диких», «агрессивных», «воинственных» и «миролюбивых», «спокойных», «способных воспринимать русскую и европейскую культуру». Кавказская администрация Российской империи к первым относил чеченцев, дагестанцев, часть адыгских народов, например шапсугов, натухайцев, темиргоевцев, абадзехов и др. Другими словами, это коренные народы Северного Кавказа, которые воевали в ходе Кавказской войны с царскими войсками.

Ко второй категории коренных народов многонационального региона царские власти относили осетин, кабардинцев, балкарцев (хотя в тот период под балкарцами было принято называть тюркские народы, которые вошли в дореволюционную историографию под названием «пять балкарских обществ») и некоторых других, которые в массовом порядке не участвовали на стороне горцев в Кавказской войне. Что касается «набеговой системы горцев», то она понадобилась, как дореволюционным историкам, так и отдельным представителям советской историографии (В.Б. Виноградову и М.М. Блиеву), для того, чтобы абсолютизировать грабительский

характер, отсутствие всякой культуры, дикость, природное хищничество, враждебность не только к русским, но и к другим народам, более просвещенным и более цивилизованным. Абсолютизируя в характере чеченцев и некоторых других горских народов Северного Кавказа негативные черты – склонность к грабёжам, разбоям, хищничеству, – историки-исследователи активно приписывали воинственным горским народам «набеговую систему горцев».

Вместо продуманной и приемлемой во всех отношениях если не национальной, то хотя бы общей внутренней политики Российской империи, царские власти на Кавказе, как и раньше, привыкли в сложном многонациональном крае решать все проблемы силой русского оружия. Такая внутренняя политика, опорой которой была исключительно военная сила, не могла иметь успеха. Тем более в долгосрочной перспективе. А именно о долгосрочной перспективе нужно было думать в Петербурге, так как Российская империя к этому времени уже имела не только четко выраженную геополитику на Кавказе, но и достаточно сильных соперников в лице Османской империи, Шахской Персии, Англии и некоторых других мировых «хищников». В Петербурге же, как подчеркивалось выше, в покорении Кавказа ставку сделали на военную силу, а наместники на Кавказе, как теперь это достаточно известно, во-первых, не были дальновидными проводниками внешней политики Российской империи, а во-вторых, совершенно по-разному относились к народам Кавказа. Один наместник, например генерал Цицианов (Цицишвили), издавал приказы, согласно которым нужно было жечь жилища осетин, а самих их необходимо было «качать и колоть». А другой наместник, генерал Розен, относился более уважительно к осетинам, создавая для них элементарные условия существования. Также по-разному к кабардинцам, чеченцам, дагестанцам и некоторым другим народам относились почти все наместники на Кавказе. Однако все они были едины в том, что активно способствовали строительству крепостей и казачьих станиц на землях коренных народов Северного Кавказа, периодически организовывая карательные экспедиции царских войск, и таким образом если не вынуждали, то активно способствовали нападениям горских народов на укрепления Кавказской линии. Именно в этом состояла одна из причин Кавказской войны. Были и другие причины этой кровопролитной и многолетней войны между горскими народами Кавказа и Российской империей. Они достаточно убедительно изложены в фундаментальной монографии нашего юбиляра «Чечня в период Кавказской войны (1818–1859 гг.)» [1].

Возвращаясь к «набеговой системе горцев» и ее сущности, необходимо подчеркнуть, что набеги носили всегда взаимный характер. Совершенно справедливо и объективно о них еще в 1913 г. писал известный осетинский публицист А.Т. Цаликов: «То, что писалось о Кавказских грабёжах и разбоях, было лишено объективного спокойствия, беспристрастия,

было отравлено ядом человеконенавистничества, расцвечено специфическими цветами российского национализма, принимающего на окраинах особенно уродливый характер безжалостной травли инородческого (нерусского. – **В.Дз.**) населения» [2]. Следует подчеркнуть и то, что «набеговую систему горцев» убедительно и аргументированно разоблачали известные и признанные историки Северного Кавказа Р.М. Магомедов, В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов, А.М. Халилов, Х.М. Ибрагимбеили, А.Х. Бижев, Б.К. Мальбахов, К.Ф. Дзамихов, Т.Х. Кумыков, Г.Х. Мамбетов, Б.Х. Ортабаев, Ф.В. Тотоев, С.С. Магомадов и т. д. Тем не менее профессор М.М. Блиев создал работы, в которых пытался обосновать псевдоисторическую концепцию о «набеговой системе горцев» в период Кавказской войны, считая ее главной причиной этой войны [3]. Чем больше его критиковали, причем обоснованно и аргументированно, тем больше он проникался уважением к собственной псевдонаучной концепции. Хорошо помню, какой большой эффект имела статья в журнале «История СССР» в 1988 г., где коллеги профессора М.М. Блиева Б.Х. Ортабаев и В.Ф. Тотоев «разобрали по кусочкам» так называемую научную концепцию о «набеговой системе горцев» [4; 5; 6]. В центральном научном журнале осетинские ученые не просто разоблачили измышления известного профессора о «набеговой системе горцев», но и указали ему его существенные ошибки и серьезные недостатки. Со своей стороны могу подтвердить, что, участвуя в различных научных конференциях, которые проводились в Махачкале, Грозном, Нальчике, Черкесске и других городах Северного Кавказа, я неоднократно слышал серьезные упреки ученых из других республик региона, что автор «набеговой системы горцев» не только «скользит по поверхности отечественной истории», фальсифицируя ее, но еще и возбуждает у определенной части соседних республик «антиосетинские настроения». К этому следует добавить, что один из ближайших бывших сподвижников и коллег М.М. Блиева, ныне известный профессор МГИМО, один из авторитетных ученых-кавказоведов страны, профессор В.В. Дегоев подчеркивал: «Если уж переводить разговор в русло «горькой правды», то следовало бы иметь в виду, что, в сущности, бесчисленные казачьи набеги на горцев по своей социально-экономической природе, технологии, жестокости и результатам мало чем отличались от горских... Коль скоро сторонники концепции о «внутренних» истоках Кавказской войны связывают ее происхождение именно с этим общественным институтом (неважно в нашем случае – в качестве ли главной или второстепенной причины), то не стоит забывать о наличии и у противоположной стороны такого же института, способного играть не менее провоцирующую роль. Впрочем, проблема бескомпромиссного выяснения «кто прав, а кто виноват» в войне или математического распределения ответственности за нее малопродуктивна с научной точки зрения, хотя и имеет законное право на суще-

ствование, как предмет идеолого-политических спекуляций. К сожалению, даже серьезные ученые не могут избавиться от гнета этой проблемы, зачастую понимая ее как нравственную задачу реабилитации России и решая ее довольно откровенно и прямолинейно» [7]. То есть в свое время В.В. Дегоев, работая профессором СОГУ, был в самых тесных и близких отношениях с М.М. Блиевым, разделяя его концепцию о «набеговой системе горцев». Однако более глубокий анализ проблем Кавказской войны убедил его не просто отказаться от зловещей и антинаучной концепции «набеговой системы горцев», но и критиковать ее авторов.

Возвращаясь к главной теме своего очерка – юбилею Ш.А. Гапурова, хочу подчеркнуть, что совершенно по-другому юбиляр подходит к освещению истории Кавказской войны. Он пишет: «Нельзя идти вперед, все время оборачиваясь назад и выискивая в нашем общем историческом прошлом лишь негатив и взаимные обиды. Мы должны укреплять наш общий дом, общую Родину – Россию, и для этого в прошлом можно и нужно найти и массу позитивного: культурный диалог и культурное взаимовлияние России и Кавказа, преобразовательная деятельность России в регионе со второй половины XIX в. и многое другое» [1].

На этой позитивной ноте хотелось бы завершить очерк о моем друге и единомышленнике, который отметил свой 70-летний юбилей 6 января нынешнего года. Тем не менее и запоздалые поздравления, насколько я помню, принимает Шахрудин Айдиевич, которому от имени ученого сообщества Осетии желаем больших успехов во всех сферах человеческой жизни. В первую очередь здоровья, благополучия и

новых творческих замыслов, а также их свершения во благо Чеченской Республики, в целом Российской Федерации. В заключении, как это принято во всех аналогичных материалах, подчеркну, что профессор Ш.А. Гапуров является автором около 420 научных работ, среди которых более 20 монографических исследований по различным аспектам научного кавказоведения. За большие достижения в области исторических исследований и талантливую педагогическую деятельность он награжден высшей правительственной наградой Чеченской Республики – орденом Кадырова, а также многими почетными наградами не только Чеченской Республики, но в целом и Российской Федерации. В их подробном перечислении не вижу особой необходимости, так как их достаточно много. Однако добавлю, что Шахрудин Айдиевич является президентом Академии наук Чеченской Республики, заслуженным деятелем науки Чеченской Республики, почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, почетным гражданином г. Грозный, заместителем председателя диссертационного совета по специальности 07.00.02 – Отечественная история в ФГБОУ ВО «ЧГУ». Под его научным руководством и при его научном консультировании защищены 10 кандидатских и 1 докторская диссертации по отечественной истории. А совсем недавно Шахрудин Айдиевич получил Благодарственное письмо от Президента РФ В.В. Путина.

Таковы краткие биографические и научные данные моего давнишнего друга и единомышленника по многим проблемам научного кавказоведения профессора Шахрудина Айдиевича Гапурова. С юбилеем тебя, дорогой друг!

ЛИТЕРАТУРА

1. Гапуров Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818–1859 гг). – Грозный, 2016.
2. Цаликов А.Т. Кавказ и Поволжье. – М., 1913. С. 101.
3. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 60.
4. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994.
5. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа: на пути к цивилизации. – М., 2004.
6. Ортабаев Б.Т., Тотоев В.Ф. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. № 4.
7. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: История и современность. – М., 2003. С. 286.

REFERENCES

1. Gapurov Sh.A. Chechnya v period Kavkazskoy voyny (1818–1859 gg). Groznyy. 2016.
2. Tsalkov A.T. Kavkaz i Povolzh'ye. – M., 1913. S. 101
3. Bliev M.M. Kavkazskaya vojna: sotsial'nye istoki i sushchnost' // Istoriya SSSR. 1983. № 2. S. 60;
4. Bliev M.M., Degoev V.V. Kavkazskaya vojna. – M., 1994;
5. Bliev M.M. Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza: na puti k tsivilizatsii. – M., 2004.
6. Ortabaev B.T., Totoev V.F. Eshche raz o Kavkazskoy vojne: o ee sotsial'nykh istokakh i sushchnosti // Istoriya SSSR. 1988. № 4.
7. Degoev V.V. Bol'shaya igra na Kavkaze: Istoriya i sovremennost'. M., 2003. S. 286